

В школа №7 нет человечности. Такой вывод сделал Хэ Пин И спустя две недели после начала учебного года.

— В августе, после обеда заставлять нас бегать – что у школьного руководства в голове? — Несмотря на это Хэ Пин И небрежно бросил открытую книгу на стол, перекинул ноги через стул и схватил Ван Сяовэй за шею, вытаскивая его наружу.

— Пошел ты! — Ван Сяовэй, ростом около 1,8 метра, задыхался от его хватки. — Отвали! отпусти меня, я не пойду!

— Взрослый мужчина симулирует болезнь, чтобы избежать пробежки. Не стыдно?

— Когда это я симулировал болезнь? Я...

— Я знаю, — перебил Сяовэй Хэ Пин И, — ты разбил горшок с растением, которое выращивала твоя младшая сестра. Она погналась за тобой, ты прыгнул с лестницы, не удержался на ногах и упал на скейтборд, который оставил ребенок на первом этаже. И ушиб себе зад. Но это было давно, ты ещё помнишь?

— Проваливай, проваливай, проваливай, — нетерпеливо поправил Ван Сяовэй, — «это не горшок с растением, а суккулент. Моя сестра его прекрасно выращивала.

— О, суккулент, — Хэ Пин И не думал, что есть какая-то разница: Разве это не все еще растение в горшке?

— Чушь, — Ван Сяовэй стряхнул руку Хэ Пин И со своего плеча, — Не надо меня трогать.

Хэ Пин И, как обычно, лениво улыбнулся.

После двух недель учебы Ван Сяовэй решил, что его сосед по парте никогда не бывает полностью бодрым: его веки всегда были приподняты наполовину, и максимум, что он делал — приподнимал их на две трети, когда учитель заставлял его отвечать. Ван Сяовэй поправил свой смещенный воротник и украдкой посмотрел на Хэ Пин И. В этот момент он заметил шрам на его брови – неглубокий, но длинный. Ван Сяовэй уже спрашивал Хэ Пин И о происхождении этого шрама, но тот не желал рассказывать. Однако любопытство Ван Сяовэя было слишком велико, и каждый раз, увидев шрам, он не мог удержаться от вопросов.

— Этот твой ...

— Эй? — Хэ Пин И повернулся, его взгляд пересек перила второго этажа и устремился к большому динамику на главном здании. Он притворился удивленным, его брови приподнялись:

— Смотри-ка, песню сменили.

Услышав это, Ван Сяовэй тоже прислушался:

— Ого, «Терраса хризантем» больше не играет? Что это за песня?

Хэ Пин И кивнул в такт мелодии, не ответил и, размахивая руками, продолжил идти вперед. Он больше всего не любит лето из всех времен года — оно жаркое и утомительное.

Коридор был переполнен людьми, и Хэ Пин И идя среди них в полутьме, чувствовал, что может заснуть прямо на ходу. Когда он хочет спать, его лень достигает пика, как сейчас: он не тратит ни капли сил на контроль своего тела. Ван Сяовэй заметил, что каждый шаг Хэ Пин И

вызывает дрожь во всем его теле, будто все его суставы и кости вот-вот развалятся. Никто не знал, укачивает ли его внутренние органы.

Хэ Пин И был настолько сонным, что едва мог открыть глаза. Он широко зевнул, потянулся, массируя заднюю часть шеи, и, расслабляя её. Поскольку его плечи были напряжены, то движение другой руки стало более резким. Он ударил человека позади себя.

Хэ Пин И вздрогнул и сразу же проснулся. Быстро обернувшись и не успев разглядеть, кто был сзади, он начал торопливо извиняться: «Простите, простите».

То ли из-за того, что он только что зевнул и в его глазах стояла влага, то ли из-за тусклого света в коридоре, или из-за большого количества людей вокруг... Как бы то ни было, когда он обернулся, все вокруг казалось нечетким и размытым. Он продолжал извиняться, а парень перед ним просто молча смотрел на него, поджав губы и улыбаясь.

Поскольку они находились в коридоре, где шум голосов заглушал его мысли, лицо перед ним казалось увеличенным и было единственным четким образом.

Нежный. Это слово неожиданно пришло в голову Хэ Пин И в тот момент. Раньше он думал, что такие прилагательные существуют только для красивых предложений в книгах. Он никогда не думал, что впервые сможет по-настоящему понять смысл этого слова именно тогда, когда в спешке обернется и увидит улыбку незнакомого парня.

Если бы ему пришлось описать своё потрясение, Хэ Пин И смог бы только пересказать ту не совсем приличную фразу, которая возникла у него в голове. Казалось, он лишился кислорода и потерял самоконтроль. Ошеломленно он повернул голову и спустился с последних двух ступенек. Выйдя из коридора и почувствовав солнечные лучи на лице, в голове Хэ Пин И внезапно возникла яркая, даже безумная и волнующая, ни с чем не сравнимая мысль — если бы он был девушкой, то обязательно бы его добивался и женился на нём.

Эта мысль была необычной и шокировала его самого. Хэ Пин И замер в растерянности и, невольно остановившись, повернулся, чтобы посмотреть назад. Но из коридора выходили толпы учеников в школьной форме, и он уже не мог найти то лицо. Ван Сяовэй продолжал говорить с ним, но увидев, что Хэ Пин И внезапно остановился, недоуменно оглянулся:

— Что ты делаешь?

Хэ Пин И сразу же спросил у Ван Сяовэя:

— В каком классе есть белокожий, хороший, красивый парень?»

— Что? — этот вопрос прозвучал так неожиданно, что Ван Сяовэй испуганно наклонил голову вперед.

— Ну, такой белый, не слишком высокий, вероятно... — Хэ Пин И оглянулся вокруг и, увидев недоумение на лице Ван Сяовэя, изменил вопрос: — Забудь, ничего.

Перед пробежкой каждый класс сначала собирается, и дежурные ученики записывают количество присутствующих и тех, кто отсутствует по причине болезни. Школа настаивает на том, что ученики не могут постоянно сидеть, поэтому если у них нет серьёзной болезни, из-за которой они не могут стоять, они всё равно должны присутствовать и греться на солнце. Именно из-за этого Хэ Пин И презирал Ван Сяовэя: девушки, вынужденные пропускать занятия по разным причинам, всё равно стояли на солнце, а Ван Сяовэй, не стесняясь,

прятался в классе и спал.

Когда они добрались до места сбора, Ван Сяовэй опять хотел встать в стороне, но Хэ Пин И схватил его за воротник и затащил в строй. Ван Сяовэй стоял и бурчал, а Хэ Пин И не мог забыть то мгновение, когда он увидел того парня.

Старшеклассников выпускного класса средней школы №7 перевели в отдельный кампус, а экспериментальные классы разместили в двухэтажном здании. На первом этаже находились кабинеты учителей и туалет, на втором — классы, всего шесть: четыре для естественных наук и два для гуманитарных. Классы разделены по обе стороны от лестницы. В здании всего несколько классов, но почему он никогда раньше не видел этого парня? Он из гуманитарного класса, что ли?

Хэ Пин И засунул руки в карманы, нахмурил брови и, не спеша, поднимая и опуская ноги, наступал на белую линию на земле.

Светлая кожа, большие глаза, без очков, невысокий рост, улыбка...

— Есть кто ещё-то на больничном? — крикнул классный руководитель Чэнь Цзи, стоя перед строем.

— Есть!

Чэнь Цзи уже начал призывать спортивный комитет, когда Хэ Пин И внезапно позвал учителя, затем внезапно поднял голову и поднял руку. Ван Сяовэй, стоявший сбоку, был ошеломлен его последовательной комбинацией тактик «заманивания врага вглубь» и «ухода, как цикада сбрасывает свою оболочку». Он уставился на него: «Какого черта?»

Психологическое состояние Хэ Пин И явно было лучше, чем у Ван Сяовэя, он уверенно вышел из строя, и его походка абсолютно не выдавала никаких признаков дискомфорта. Когда колонна тронулась, Ван Сяовэй всё ещё ругался в сторону Хэ Пин И.

На перемене после первого урока во второй половине дня солнце светило так ярко, что Хэ Пин И едва мог открыть глаза. Но он продолжал щуриться и наблюдать за мимо проходящими строями. Его раздражало, что их школа переняла практику других школ, устраивая «плотные» пробежки, когда люди буквально прижимались друг к другу, из-за чего он иногда не мог разглядеть тех, кто шёл по краю строя.

Хэ Пин И сам не знал, что делает. Возможно, он хотел выяснить, из какого класса тот парень, или, может быть, хотел подружиться с ним, а может... Позднее, вспоминая об этом, Хэ Пин И подумал, что, возможно, в тот момент он просто хотел убедиться, что это был не сон, что в мире действительно существует такая улыбка.

Это ощущение отчаянного желания поймать он испытывал в течение долгого времени, а затем на долгое время оно исчезло из его жизни.

Хэ Пин И повернулся к солнцу и стал всматриваться в лица проходящих мимо отрядов, выкрикивавших «Раз, два, три, четыре» и лозунги классов. Он старался не упустить ни одного лица, даже если видел только фрагмент носа или уголок глаза сквозь щели. Но сколько бы он ни смотрел, так и не увидел того человека.

Морщины на его лбу становились всё глубже, отчасти из-за солнца, отчасти из-за беспокойства. Он пытался воссоздать в памяти детали того лица, но понял, что его внимание в

тот момент было полностью сосредоточено на лице и улыбке. Так что он даже не запомнил, какая у него была причёска. Белая кожа, большие глаза, без очков, невысокий рост, улыбка...

Глаза Хэ Пин И внезапно расширились. Солнце скрылось за облаком, свет потускнел. Пробегаящий мимо классы выкрикивали какие-то беспорядочные лозунги, но Хэ Пин И вообще не слушал.

Парень, бежавший в первой линии с края, слегка подпрыгивал, его ритм бега незначительно отличался от остальных. Он смотрел на Хэ Пин И с лёгким недоумением. Если не считать очков на переносице и отсутствующей улыбки, он полностью совпадал с образом, который Хэ Пин И хранил в своей голове. В этот момент рука Хэ Пин И невольно сжалась в кармане. Он хотел улыбнуться этому парню, но подобный жест был слишком непривычен для него, и от волнения уголки его рта так и не поднялись.

Но колонна двигалась с одинаковой скоростью, и никто не ждал, пока Хэ Пин И восстановит контроль над своим выражением лица. Видя, что парень вот-вот исчезнет из его поля зрения, заслонённый другим человеком, Хэ Пин И в панике сделал несколько шагов вперёд. Девушка, стоящая рядом и зубрившая слова, испугалась его внезапного движения и посмотрела на него, не понимая, что происходит.

Осознав свою неуместную реакцию, Хэ Пин И смущённо кашлянул и вернулся на своё место. Когда он снова поднял глаза, тот класс уже был далеко. Увидев этого человека снова, Хэ Пин И смог вернуть себе привычное спокойствие и рассудительность. Когда класс Хэ Пин И снова пробежал мимо, он начал считать классы, которые бежали следом, ожидая, когда тот парень появится на втором круге. Пока он ждал, то мысленно дорисовывал образ в своей голове. Белая кожа, большие глаза, красивый нос, красивый рот, очки... Значит, он носит очки?

Хэ Пин И быстро опустил голову и улыбнулся. Невысокий, худой, волосы немного длиннее, чем у большинства парней, улыбка... Но ведь он не улыбался... только что... Подумав об этом, Хэ Пин И ощутил некоторое разочарование.

На втором круге Хэ Пин И точно вычислил приближение восьмого класса. Как только они попали в его поле зрения, он сразу сфокусировался на том парне. Но на этот раз парень не смотрел на него. Более того, казалось, что он специально избегал его взгляда, упорно глядя прямо перед собой.

Хэ Пин И не был уверен, показалось ему это или нет, но он всё равно молча наблюдал за ним. В конце концов, когда парень уже почти пробежал мимо, он повернул голову в его сторону. Как и в прошлый раз, парень с некоторой растерянностью посмотрел на Хэ Пин И.

Хэ Пин И поднял руку, не слишком высоко, лишь до уровня груди, и помахал ему. Он поклялся, что это был самый «нежный» жест и выражение лица, которые он когда-либо делал. Удивительно, но лицо парня оставалось абсолютно спокойным — он не выглядел ни испуганным, ни удивлённым, его лицо никак не изменилось из-за жеста Хэ Пин И. Он не опустил руку, продолжая улыбаться и смотреть на него.

Время словно тянулось бесконечно долго. Когда Хэ Пин И глубоко вздохнул, уверенный, что парень просто пробежит мимо с неизменным спокойствием, но тот неожиданно пожал подбородок, приподнял уголки губ и улыбнулся. Так Хэ Пин И наконец добавил последнее и самое важное слово к описанию: красивая улыбка. Самая красивая.

В этот день Хэ Пин И наконец встретил Цзин Цаня.

<http://tl.rulate.ru/book/115893/4620914>